ратуре XVIII в., подчеркивали в своих высказываниях о ней, обычно в первую очередь, различие между эстетическими принципами классицизма и романтизма, то Гоголь, наоборот, начинает в литературе XVIII в. искать и находить черты, близкие его новаторским реалистическим художественным исканиям. Известную аналогию этому отношению Гоголя 30—40-х годов к русской литературе XVIII в. в предшествующую эпоху можно отыскать лишь у Рылеева, Кюхельбекера и некоторых других поэтов-декабристов, но последние искали и находили образцы высокого гражданского пафоса не столько в реалистической комедии, сколько в поэзии XVIII в., в особенности в одах Державина. Последний же оказал, как известно, влияние на Тютчева, но иными — космическими — мотивами своих од.

Притяжение к высоким гражданским и морально-эстетическим идеалам литературы XVIII в., возникшее у Гоголя в период работы над «Ревизором», не ослабляется и в последующий период — период работы писателя над созданием «Мертвых душ». Причем, как и в эпоху «Ревизора», размышления над творчеством писателей XVIII в. у Гоголя 40-х годов тесно переплетаются с его собственными творческими исканиями. Ярким свидетельством этого являются страницы, посвященные Гоголем русской поэзии XVIII в. в «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Отказываясь следовать в «Мертвых душах» известным ему схемам построения русского и западноевропейского романа, в которых «все, что ни является, является потому только, что связано слишком с судьбой самого героя» (VIII, 481), — так же, как прежде в «Ревизоре», он на сходном основании отказался от следования привычным схемам комедии «частной» жизни, — Гоголь ищет опоры своим исканиям. И он находит их в области построения прозаической эпопеи не только в творчестве Сервантеса, Фильдинга, Ариосто, явившихся, по его терминологии, создателями «меньших родов эпопеи» (VIII, 478—479, 735), но и в высоком «лиризме» русских поэтов XVIII в. Так же, как в «Недоросле» Фонвизина, он открывает первые зачатки того нового понимания «истинно общественной» комедии, образец которой он дал в «Ревизоре»; анализ «лиризма» Ломоносова и Державина, их обращения к поэтической теме родной страны и ожидающего ее великого будущего сплетается у Гоголя с творческой работой над лирическими отступлениями «Мертвых душ», в которых звучат во многом аналогичные поэтические темы, хотя и разработанные в ином, новом стилистическом ключе.

Этот свойственный Гоголю в 40-е годы подход к одической традиции XVIII в. под углом собственных художественных исканий получил отражение в статьях «О лиризме наших поэтов» и «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». Анализируя творчество Ломоносова и Державина, Гоголь здесь зачастую говорит не только о них, но и о себе, и это при-